

Марк Файнберштейн

*Записки
сумасшедшего
велосипедиста*

Марк Файнберштейн
Записки сумасшедшего
велосипедиста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33575976

ISBN 9785449087430

Аннотация

Жизнь религиозного велосипедиста в Тель-Авиве полна неожиданностей, но всё равно смертельно скучна. И тогда нужен прорыв, нужно безумие...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Записки сумасшедшего велосипедиста

Марк Файнберштейн

Фотограф Ольга Владимировна Вершинина

© Марк Файнберштейн, 2018

© Ольга Владимировна Вершинина, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-8743-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как-то дружок мой растаман Аси при встрече сказал: идём к нам на рассылку, ты здорово гоняешь на своём велике. А я как раз без работы. Мне надоело устанавливать противопожарные системы, бросил это дело, гуляю без работы, ну и согласился. Гоняй себе по улицам, развози еду по офисам и снимки зубов по стоматологическим клиникам, вот и все дела. Главное – небо над головой. Очень мне это важно. Может, клаустрофобия такая... Но мне теперь больше нравится.

– 1. Через неделю

–

Непростой денёк выдался. Работа сегодня не очень тяжёлая, да и понемногу учусь распределять силы. Последняя посылка только немного помялась. А вообще, мне начинает казаться, что есть хорошие места, а есть плохие. Совершенно мистическая вещь. Когда проблемы наваливаются в определённом районе города, я начинаю называть его «проклятым». Или такие места, которые я плохо знаю. А тем более если шину проколел или посылку с какими-нибудь макаронами помял. Ну а близкие по расстоянию и те, которые знаю хорошо, а главное – там, где хорошие чаевые, само собой, места благословенные. Вот на Менахем Бегин решили укладывать трамвайные пути. Это мэр моего любимого города по фамилии Хульдаи решил, чтобы всё как в столице было. Там трамвай, значит в Тель Авиве трамвай должен быть. Мэр этот мне ох как не нравится. Он, конечно, бывший лётчик, киббуцник-работяга, но слишком уж красный. То есть, вполне себе всерьёз считает евреев в Израиле оккупантами. Кто его мэром назначил? Или, может, я выборы пропустил. Как только он с этим живёт? И фамилия у него такая. Если на русский перевести, то Крысов или Крысюк получается. Из-за этого гения городского зодчества перекопали некоторые районы города и теперь тот же Менахем Бегин выглядит, как Сталинград в 42-м, прости Господи. Ну и конеч-

но же, это бедные районы – трущобы и промзона, в места обитания среднего класса господина Крысюка бы на пушечный выстрел не подпустили. Но он знает, что делает. Самое главное, делает что-то, тут не поспоришь. Поэтому все эти коммунаки до сих пор держат позиции, потому что дела делают. Короче говоря, в результате деятельности этого парня, улица Менахем Бегин считается у меня проклятой. Испоганили улицу, нечего сказать.. Еду в самое её начало. Там уже Южный Тель Авив и граница суданской автономии. Здесь сконцентрировались беженцы из Африки, устроили своё гетто. Но вот огромная офисная башня, приличные лужайки. Стойки для велосипедов. Здесь Крысов сработал на совесть. Подъезжаю, вижу – сидит девчонка, кушает свой сэндвич. Какой это номер? 52-й – отвечает. То, что нужно. Пристёгиваю велосипед, беру пакет с едой из «Оливы» и ищу нужную вывеску. Ага, вот «Рабочий банк». Значит, служащий или там служащая решили итальянской едой отобедать, ну-ну... А мне везти чёрт знает куда. Ну и на том спасибо. Что работа есть. Захожу в здание и первой бросается в глаза высокая симпатичная тётка на каблуках в длинном платье. Она со злым лицом бегаёт по лобби со шваброй и моет полы. Я, конечно, как в больших городах принято, стараюсь ничему не удивляться, направляюсь к служителю и говорю:

– У вас здесь «Рабочий банк» на каком этаже?

– Да есть такой, только их несколько отделений, так что звони, узнавай, куда именно.

В этот момент мы слышим крики, поворачиваемся и наблюдаем, как тётка на каблуках со шваброй нависла над эфиопкой виноватого вида. Стоит дочь Африки перед мегерой этой, виновато улыбается, слова выдавить не может. Мне почему-то стало стыдно.

– Слушай, – говорю администратору, – ненавижу, когда на рабочих орут, да при людях ещё.

Он пожимает плечами, а мне как раз на телефон ответил, и я понёс обрадованному банкиру его порцию на третий этаж. А самого гнетёт – надо было вступить, сказать даме той, чтобы осадил, что она просто перенервничала и, конечно, ей не идёт в таком элегантном прикиде так из себя выходить, да ещё со шваброй в руке. Положить швабру и орать что ли? Ну, это уже мой внутренний диалог. В итоге просто позвать тётку курить, она будет плакаться мне в футболку, что у неё важная встреча, что она нарядилась и накружилась, надо бежать, а эфиопка плохо убрала лобби. Теперь её хозяин-мароканец сам на вертел оденет, и всё рандеву ейное не будет стоить ломаного гроша.

– Что ты от меня хочешь?! – переходила она на крик, с лёгким бухарским акцентом, ломая сигарету и яростно глядя мне прямо в глаза, – я же за всё отвечаю! А теперь мне надо здесь бегать и полы ещё раз за этой черномазой вытирать! Весь это офисный смрад на меня глазеет, ты же знаешь какие там цацы ходят, хоть в петлю лезь от одного их вида.

– Слезы смазывают ей тушь, мне становится стыдно, я пы-

таюсь её утешить, понимающе опускаю глаза, говорю слова утешения, что сам работал на уборке, что это сущий ад и унижение. В общем, может, удастся взять у неё номер телефона и переспать.

Но лифт останавливается на нужном этаже, меня встречает клиент, я отдаю посылку и спускаюсь вниз. На этот раз моим вниманием завладевает эфиопка, я подхожу, напоминаю ей, что она не чья-то рабыня, что не должна позволять орать на себя даже если её начальник премьер-министр. Обнять её, как сестру... Вдруг вспоминаю. Что Ницше, перед тем, как сойти с ума, жалостливо обнял лошадь, которую бил кучер. И последние десять лет жизни провёл в дурдоме. Ну уж нет. Не дай мне Б-г сойти с ума, уж лучше... Как там у Пушкина? Выхожу из лифта в лобби, а женщина со шваброй и полнейшим безумием в глазах прёт прямо на меня, никого перед собой не замечая. Я только через тряпку успел перепрыгнуть. Конферансье этот смотрит, улыбается. Хорошего дня вам, говорит. Я ему тоже. Отстёгиваю велосипед и еду домой. Люди всё-таки все поголовно очень несчастные создания. Ну или почти все поголовно. Я тоже работал на уборке. И это был ад.

По дороге домой на мосту ломается ящик для посылок, который я искусно приспособил на багажнике. 100 шекелей две недели назад. Теперь новый надо покупать. А так всё слава Б-гу. Я же религиозный человек, мне всё надо принимать с любовью. Смешно, конечно. Это не та любовь, которую я

знал.

– 2. После бойни

–

Сегодня все силы зла обрушились на меня. Везу еду из ресторана, значит, в Сарону. Кто не знает – это такой торговый комплекс в Тель Авиве. Очень красиво, надо признать. Дома здесь строили тамплиеры лет сто назад, а нынешние власти оценили их вкус к выбору места и стилю застройки. Дорогущие магазины со всякой чепухой, толпы улыбающихся бездельников, ну и всё такое. Неделю назад арабы здесь людей постреляли. И это прямо напротив Министерства обороны. Жители Тель Авива, конечно, сюда не особо стремятся, в основном, приезжие, ну и солдаты обедают. В основном, стада голых девочек и самоуверенных мароканцев с выбритыми висками. Капище чревоугодия. Или у меня сегодня настроения нет? Но ведь они с таким наслаждением прилюдно поедают свои порции... Одна моя знакомая как-то спросила меня: вот ты художник, а видел лица людей, когда они едят свою шаурму? Только теперь я оценил её взгляд на вещи. И совсем она не веган. И почему я отношусь к еде, как к очень личному интимному ритуалу?

Итак, улица Освальдо Араньи. Это такой бразильский дипломат, он председательствовал на Специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН по палестинскому вопросу в мае 1947-го и ударом своего молоточка возвестил результаты го-

лосования. То есть создание вот этого вот государства. Как будто мы должны были разрешение у всего мира получать на место, которое определено нам отнюдь не людьми. Ну это я отвлёкся. Мне так-то больше нравится улица Леонардо да Винчи. Куда значимей. Это здесь, рядом.

Гляжу на людей, но недавний теракт никак не сказался на физиономиях отдыхающих. Всё у них прекрасно. Ну это я почём зря в осуждающем расположении духа. Пусть радуются, жалко что ли. Журналистов много, они снимают всё подряд – едящих людей, витрины, просто прохожих. Вот бородастый вытаращил камеру на меня. Раньше бы убежал как из-под прицела СВД, так-то я стеснительный, но времена нынче другие, просто отворачиваюсь и прохожу мимо. Не люблю я эту публику. Помню, на юге когда жил, там ракета в дом залетела, троих соседей похоронили, одну женщину беременную, так эти упыри по городку так и шастали, а изо ртов только слюни текли, где б чужим горем поживиться. Жалко времени нет, можно и поругаться, да только я фирму ищу, как её там... Ищу, ищу, всё обошёл в округе, ничего похожего на клиентов не нашёл. Звоню в свою контору, но там тоже объяснить толком не могут, хотя ребята хорошие. А заказчики вообще на телефон не отвечают. В третий раз круг нарезаю, всё на свете проклял, меня уже охранники на всех выходах запомнили, не проверяют. Все напряжены, солдаты из Министерства кушают молча, не болтают почти. Ох, и прав же был раби Шимон: римляне, конечно, много че-

го настроили – мосты, бани, стадионы, да только чтобы взимать налоги, блудниц разводить и массовые истерики закатывать. Но и современные римляне тоже самое. Да что такое-то со мной сегодня – всех осудил. Просто так долго ещё ни одну контору не искал. На заднем дворе Сароны всё ещё стройка идёт, встречаю арабов-строителей. Где здесь офисы, спрашиваю. А они мне: какие офисы. Название фирмы их только напугало. Ну как я им объясню? Убили они меня этим вопросом. Хорошо, только вопросом. Как им вообще дают здесь работать после всего? Ну ладно, вопросик больше риторический, евреи не особенно на стройку рвутся. Да и чего бы им рваться? Я бы тоже не рвался. Ну ладно там инженером, крановщиком, но не кирпичи же класть. Молдаване и арабы Святую землю теперь застраивают. Не иначе как начинаются времена Мошиаха, когда народы мира будут вот так вкалывать, а евреи Тору учить и молиться. Так если бы Тору учили... Ну опять меня понесло, уже как древний пророк, прости Господи, свой народ обвиняю. Наконец, нахожу нужную контору, отдаю им салаты, они радуются, как дети, но чаевых не дают. Планктон обнаглевший. Да я уже привык. Отчитываюсь начальству по телефону, напоминаю про раби Шимона. Нати ржёт в трубку. За что люблю марокканцев, так это за то, что имена раби Шимона или там раби Меира им хоть что-то говорят. Еду дальше, за следующей посылкой. На Ибн Гвириоль обхожу велосипедиста на спортивном велике с рюкзаком. Красиво так обхожу, самому нравится.

Он догоняет меня на Каплане на светофоре и кричит: «Рассылка?». Киваю, а он улыбнется, признал, значит, своего. Молодой парень, пыльное лицо, представляю, сколько километров в день наматывает. Люблю ашкеназов. С ними всё-таки приятнее дело иметь.

– Хочешь, – говорит, – к нам?

– «Бичиклета»? – спрашиваю.

– Да, слышал?

– Слыхал. Давай телефон.

Он даёт мне визитку.

– Скажи, что Одед тебя отправил.

– Одед? Очень приятно, Рабинович.

Он поднял брови, но я привычный – всегда по фамилии представляюсь. Загорается зелёный, он жмёт мне руку и улетает куда-то вперёд. Отомстил, что я его до этого обошёл. Ну, это провидение. Я уже слышал о них и думал попробовать. Говорят, они вообще безбашенные, у них даже маршруты рассылки из Тель Авива в Герцлию есть. Ну, это красиво, велосипедная дорожка вдоль моря всё время почти. Ты гоняй себе на велике. А тебе за это ещё и платят. Кстати, куда я дел визитку? Надо поискать, не выронил ли. Но не могу найти. Вот незадача. Очень злюсь на себя, но телефон их не трудно в интернете найти. А так на всё воля Г-спода.

– 3. Мор

–

Есть в жизни вещи, которые я понимаю. Головой понимаю, что надо бы принять, это вот так вот и всё тут. Никуда от этого дерьма, сынок, не денешься. Но при этом ненависть так зашкаливает, что ничего с собой поделаться не могу. Вот сидит девушка, кушает. Ну какое мне дело, зачем она кушает, ну нравится ей, ну кому она этим вредит? Так нет, мне обязательно надо приговорить её к расстрелу за излишний вес. Она сама, бедняжка, страдает, а тут ещё я флюиды осуждения испускаю. Хотя, не похоже, что она больно уж страдает. Вполне себе довольная. Всё-то её по кайфу. Ну и что? Поэтому надо хотя бы для себя уровень её счастья снизить что ли? Это же зависть, простая, грёбаная зависть. Мол, не могу я так вот сидеть в кафе и есть свой морковный пирог с улыбкой, будто мне зарплату повысили. Этак можно и весь мир возненавидеть. Так я и ненавижу, что ж тут нового? Вон сколько их, ненавидящих. Но ведь так можно и без друзей остаться. Вроде, у меня с этим нет проблем... Да какой. К чёрту, нет. Есть, конечно. Многих своих друзей я основательно достал. Они, конечно, со мной общаются, но иди, знай, чего им это стоит. Так что нужно мыслить в каком-то ином ключе. Ну так меня учат всякие духовно продвинутые знакомые. Книгу как-то дали почитать для самоопределения. Там был вопрос такой: «бывало ли у вас ощущение полной отчуждённости от мира?». Вопрос даже порадовал, значит не один я, вон как его уже удачно сформулировали умные люди. Конечно, бывает, это даже не ощущение

ние, это видение мира какое-то. Оно много мне даёт. Прежде всего, чувство собственной исключительности. Гордого одиночества и вознесённости. Но и цена у такой идеи высокая. Кто меня таким долго терпеть будет? И всё это как-то нестатично даже. Меня швыряет из крайности в крайность – или полное презрение ко всему вокруг, или убеждённость, что я самое никчёмное существо во Вселенной.

В воскресенье, например, я не умею жить. У нас это первый день рабочей недели. Мне тошно и реальность наваливается, как безжалостный соперник в борцовском поединке. В России говорят: понедельник день тяжёлый. Получается, всё зависит от того, когда начинают работать и в соответствии с этим определяют тяжесть. А здесь воскресенье день тяжёлый. Да и понедельник не лучше. Дело в работе, мать её. Если свою работу ненавидеть, то тяжёлой станет и суббота только от мысли, что завтра опять туда же. Один мой приятель всё уверяет, что это проблема девяноста там с чем-то процентов населения земли. Любит он всякую статистику. Доказывал мне, например, что средний мужчина думает о сексе каждые 4—5 минут. Ну, к статистике я равнодушен. Прочитал у умного человека, что если мой сосед бьёт жену каждый день, а я – никогда, то по этой дурацкой статистике мы бьём жён на двоих через день. Вот вся цена этим социологам. Но в принципе, что-то в этом есть, не особо я встречал людей, работой своей довольных. Но в общем-то знаю парочку. Или врут?..

Итак, работаю я, как все видевшие меня уже догадались, на рассылке. Катаюсь по Тель Авиву на велосипеде туда-сюда. Человек я довольно религиозный по здешним меркам, хожу в кипе, с бородой, ем кошерную еду. А сегодня мне особо грустно. Одуревшие от своей канцелярии секретарши в адвокатской конторе говорят, что нужно отнести еду на кухню. Всё у них должно быть по порядку. Еда – на кухне, Бумаги – на столе. А мне хочется хлопнуть стеклянной дверью так, чтобы она сломалась. Только одна девчонка на улице Беркович искренне порадовалась сегодня и сказала «спасибо» от всей души. Такой даже отсутствие чаевых прощаю. Общая же картина сегодня довольно унылая. Завтра могут быть мгновенья счастья от взгляда незнакомой красавицы на улице. Так что обобщать не будем.

Встречаю знакомого шизофреника. Кто-то окликнул меня на Ибн Гвироль, я остановился, долго вглядывался в его лицо, пока не узнал Мора. Мы вместе учились с ним в ешиве, он был абсолютный псих, и я это всегда видел. Я очень боялся его, потому что трудно представить более классического тель-авивского психопата. А раввины почему-то его держали до последнего. Пока он окончательно с катушек не съехал. Как-то снял ботинки, закинул пару экстази и босый пошёл по городу. Его видели, когда он сидел в 5 утра на скамейке на площади Дизенгоф у фонатана и голубей кормил. Много воды утекло, даже фонтан тот уже снесли. Потом он стал ходить по домам раввинов и кидаться на них. Из моей

ешивы пострадали трое, включая самого рава Шмерлинга. В ешиве выставили охрану, а один мой знакомый рассказал, что видел Мора на Кинг Джордж, где он со словами: «тебя когда-нибудь бил религиозный человек?» кидался на трансвеститов, а они его метелили так, что страшно было смотреть. Ещё как-то я встретил Мора у Стены Плача.. Он был весь бардово-синий от побоев, но задорно провоцировал меня и всяких людей прямо во время молитвы. Мой приятель Хаим, непривычный к такому кощунству, уже хотел наказать его, но я почему-то не дал. Я и раньше переживал за него, хотя вёл он себя всегда по-скотски. Я водил его к Анонимным наркоманам в надежде исцеления, он говорил, что это довольно смешно, но выходил оттуда с ещё большей горечью в душе. Потом он пришёл в ешиву и украл занавес с Арона Койдеш. Это было так нелепо, неожиданно и безумно, что вновь наняли охранника. Это был русский парень, которому показали лишь фотографию безумца, он сидел на стуле возле входа и, завидя любого незнакомца, вскакивал и начинал разминаться. Ученики ешивы поили его кофе и курили с ним на переменах. Мне было всегда любопытно – что этот парень из охранной фирмы думал про весь этот цирк. Всё как-то успокоилось само собой, а кто-то говорил, что Мор уже принудительно отдыхает на дальней даче – то ли в дурдоме имени великого мудреца дона Ицхака Абарбанеля, то ли в психиатрии центральной больницы «Ихиллов». Ну и через год после всего этого карнавала уже порядком успокоившийся

он приходил пару раз на праздники в ешиву. Мы здоровались, делая радостно-презрительные физиономии, а я делал вид, что уже не боюсь его. И вот, сегодня он меня окликнул на улице. С трудом узнаю его, он теперь без своей роскошной бороды, зато на голове шевелюра, как у льва.

Я всегда не знал, как с ним держаться и теперь не знаю. Стараюсь быть поглубже. Он говорит: вижу, ты метафкед. Даже не знаю, как правильно перевести это слово, это не работаешь и не действуешь, а что-то вроде «выполняешь свои обязанности». Говорят, так измеряют меру безумия, если, конечно, человек не опасен для себя и для окружающих. Мол, он метафкед: ездит на велосипеде, работает, ходит в магазин. Так говорят человеку, который должен сидеть с пивом у компьютера и обрастать тоннами окурков и пустых контейнеров от «доширака». Обидно, но стараюсь не показывать виду. Наверное, так ему говорил психиатр в лучшие мгновения жизни. Вот такие короткие встречи. Как дела и до свиданья. Меня всегда поражают все эти судьбы всех этих людей. Грустно и нелепо.

Доезжаю до пункта назначения, поднимаюсь в здание и уже у лифта обращаю внимание на шикарную религиозную (по одежде я сразу определяю) кралю. Что-то в ней есть, однозначно. То ли огромные круглые серьги, то ли вытянутое, похожее на топор лицо. Вытянуто не в длину, а как-то вперёд, и это ей придаёт сходство с таким небольшим индейским топориком. Но это я так, от зависти рефлексирую.

Ведь красивая даже. Просто иногда настроение такое, что я ненавижу любую женщину, которая не кидается мне на шею с первого взгляда. А если замужняя – это можно определить по парикю или платку на голове – то злюсь, что она не выбрала меня. Ну и что, что до сегодняшнего дня она не подозревала о моём существовании? Но с другой стороны, помани она меня прямо сейчас пальчиком, и я побегу за ней и выполню все требования террористов. Вступить в ИГИЛ¹ – запросто, продать душу дьяволу, нет проблем, душа моя. Хоть под танки, хоть на танке. Есть дни, что у меня просто нет себя. А кукла эта выходит на моём этаже в нужный мне офис. Спрашиваю её – где сидит наша клиентка, а эта сучка, не оборачиваясь, показывает мне на стеклянную дверь в кабинет. Узнаю это место, в прошлый раз мне здесь дали чаевые, поэтому хочу передать лично. Выходит полная молодая женщина, с улыбкой благодарит. Никаких, твою мать, чаевых. Иду к велосипеду, весь в мыле, как конь. Злой и уставший. Это просто день такой. Но звонят из нашего офиса, говорят, что на сегодня всё и что мне оставили 15 шекелей на счету. Для хорошего настроения. Кто это, интересно? Иди знай...

– 4. У судилища

–

Когда-то я был духовным человеком. И моя духовность

¹ Организация запрещена в РФ

совмещалась с моей религиозностью. Я учился в еврейской духовной семинарии, именуемой в народе «ешива», вставал рано утром, шёл окунаться в микву (такой бассейн для ритуальных омовений) с полотенцем на плече по сонным улицам Тель Авива, перед молитвой учил хсидус – глубокие теологические трактаты, где всё про души и высшие миры, одевал тфилин и молился два часа, чувствуя небывалое удовольствие. Но мне всё надоедает. Я даже мечтал стать раввином, но и это занятие в конце концов показалось мне слишком нудным и скучным, и я отправился на вольные хлеба. Снимаю квартиру, работаю и делаю то, что мне вздумается. Вообще, многие кто приезжает сюда из России, не имеют никакого понятия о жизни религиозных общин. Считается, что «верующие» (идиотское советское слово) не работают, в армии не служат, налоги не платят. С одной стороны, правильно думают, но это же с осуждением. Родину обязательно надо защищать. Служить в армии «как все». Это у людей никакого понятия о разделении труда нет. Как будто родину защищать можно только с оружием в руке. А начальник штаба или там повар, завскладом какой-нибудь это нормально. А если человек молится за весь народ, то это не нравится. Иди-ка попробуй помолись и Тору поучи весь день, посмотрим на сколько тебя хватит. Обязательно же нужно на заводе работать. К станку приковаться и вкалывать. Ну это мышление такое, тут уж ничего не поделаешь. Советский Союз тоже получил право на репатриацию и расцвёл здесь во всём

своём величии. Да что репатрианты, многие местные так думают. Слюной брызжут от негодования, что должны платить налоги, а деньги идут на пособия «этим пейсатым». Не понимают, что страна эта особенная, и здесь всё будет по-другому, не как там у французов или американцев. Поэтому на меня смотрят с удивлением, что вот я, в кипе, с бородой, на велосипеде, как угорелый гоняю и зарабатываю хлеб насущный в поте лица своего. Почёт и уважение. Только плевать мне, нравлюсь я им или нет.

Мне бы как-то хоть выжить. Работу долго не люблю искать, поэтому почти на первой попавшей тружусь.

А так день, как день. Захожу в офис, весь в мыле, с пакетами из ресторана, это уже не просто адвокатская контора, а целый завод, фабрика в несколько этажей. Деловые люди с чуть грустными сосредоточенными лицами мерно бредут в разные стороны. Они учтивы, где-то обходительны, открывают двери, показывают дорогу. Они не умеют по-другому, но если присмотреться повнимательней, то вон тот высокий с красноватым лицом, если будет защищать интересы какой-нибудь телефонной кампании, то обглодает тебя с ног до головы, даже если у тебя нечего будет есть. Сделает такое каменное лицо и отведёт глаза. Вообще, у меня не хватает воображения представить, как работает вся эта офисно-человеческая машина, как методично и уверенно перерабатывает дела, переваривает судебные тяжбы, жарит, печёт тушит и подогревает дела, солит, перчит, развеивает спе-

ции над томами имущественно-уголовных историй. А после работы они идут играть в гольф. Вон у того типа в кабинете сколько клюшек. Здание это, как и много других ему подобных, находится возле Центрального Суда Тель Авива. Сколько же людей и контор кормятся возле него, подумать страшно! По прилегающим улицам шествуют деловые женщины, катят за собой чемоданы с кипами дел, мужчины в мантиях, как у Мефистофеля, останавливаются рядом с такими же и что-то весело обсуждают. А в этой конторе есть даже специальная стойка для еды. Чтобы не травмировать секретарш пакетами на деловых бумагах. Чинно ставлю какую-то некошерную дрянь на полочку и удаляюсь. На меня мельком смотрят какие-то люди, я даже стыжусь себя немного и с нетерпением жду лифта.

Но после работы мне даже домой вдруг неохота возвращаться. Очень скучно. Ничего не происходит. Вот пишу эти заметки перед сном, так всё гладенько, будто какой-то умиротворённый человек пишет. А внутри-то буря. Но как её описать?

– 5. Аквариум

–

Город часто меняет своё лицо. Всё зависит, конечно, от моего восприятия, но картинки такие разные, с ума сойти. Когда я устаю, тело мчится на велосипеде по дорогам и тротуарам, а сознание фиксирует только совсем смешные

картинки. Или просто нелепые. Фон – колючая проволока министерства обороны на бульваре Царя Шауля. Зажмури-ваюсь от обилия голых ног. Эфиопский дворник с огромным хреном отливает возле дерева у стены министерства. От неожиданности чуть не сбиваю малюсенькую солдатку. Рюкзак больше ней в два раза. Смеюсь, она удивлённо смотрит на меня, но скоро дойдёт до дворника и всё поймёт. Я вспомнил А. Ж., приятеля из Нью-Йорка, с которым вместе служили. Высокий, великолепно физически развитый, он поражал меня какой-то своей человечностью. Говорил совершенно свободно на идиш и любил бегать, даже получил разрешение выбегать за пределы базы. Спокойно делал кроссы до Бейт Шемеша и обратно. Иногда впадал в непостижимую мне меланхолию и подолгу сидел на своей койке в глубокой задумчивости. Я спрашивал его: о чём ты там замечтался? А он в тоске отвечал на своём ломаном иврите: «Вот если бы только... если бы у меня был чуть побольше! Ну два сантиметра ещё...». То есть, парень был способен сидеть вот так и думать об этом. Мы падали от смеха, но он даже не улыбался. Вот этот эфиоп ни о чём таком не думает. Таких проблем у него нет. Но ведь, наверняка, есть другие. Если бы я рассказал об этом А.Ж., он бы опять задумался. Но меня занесло. Вот так едешь-едешь, а вся жизнь перед глазами. Ерундовый, вроде, образ, но очень уж насыщенный. Кого только не встретишь на улицах. А в зданиях всё чинно, интеллигентно. Лица секретарш сливаются в один се-

рьёзно-деловито-симпатичный кадр. Мне нравится одна. Я начинаю свой рабочий день с её завтрака на 22 этаже. Она так мило радуется своему салату, так искренне благодарит меня, что я даже не злюсь на неё, что не даёт чаевые. Встаёт с улыбкой со стула и протягивает руки ладонками кверху, чтобы принять у меня свою порцию из «Оле Бейби». День неплохо начинается. Если видишься с такой минутку в офисе. А если она у тебя дома, может, всё гораздо сложнее? Ну не знаю. В наушниках играет Шнуров: «А ты распустишь косы и любовь по венам...»

Это просто жизнь. Философия, конечно, но куда от неё денешься. Город Тель Авив, В тени 28 градусов. Влажность чуть меньше, чем в аквариуме. На мне мокрое всё – от футболки до штанов. Чтобы чувствовать себя нормально, представляю себя рыбой. Такая огромная рыба гоняет на велосипеде и развозит еду. А кажется, что вокруг все сухие. Едешь с ними в лифте, стыдно, что ты – рыба, а они сухие. Возвращаюсь домой. Кондиционер, фейсбук, душ, кофе с сигаретой. Да, кстати, признаюсь себе, что вся эта писанина очень помогает мне. Даже не представляешь, приятель, как важно мне выплёскивать всё это на бумагу, говорю я себе. Ну, если кто будет читать, пусть не обижается, что, мол, я вот это просто сливаю. Моя психотерапевт знает цену таким вещам. Говорит, что ничего не пропадает втуне и тому подобное. Ну что же, посмотрим...

– 6. Призрак Сталина

–

Утром, когда тело уже несётся на велосипеде с горки в сторону Биржи, а дух ещё не проснулся, я почему-то опять обращаю внимание на всякую ерунду. Вот угол Хашмонаим и Арлозоров. Русский парень прощается с девушкой, она уже отбегает в сторону остановки, но вдруг оборачивается, бежит назад, обнимает и целует его. И всё это кажется мне таким милым в утреннем мареве... Он деланно-сердито говорит ей: «давай, давай уже, вон автобус», и она снова бежит через дорогу. Ну он и скотина. Отличная девчонка, высокая, чуть ярко накрашенная, со светлыми волосами, в длиннющей юбке. Лицо весёлое такое, задорное. Я пролетаю мимо них, но переживаю все возможные чувства. Мог бы и поласковой с такой девочкой-то. В голове у меня всплывает сцена из фильма «Свой среди чужих. Чужой среди своих». Там, где в конце Шилов тащит на себе раненого ротмистра с чемоданом золота. Белогвардеец просит хоть одним глазком увидеть содержимое, золото сносит ему крышу, и он давай уговаривать этого чекиста, что, мол, вон граница, что это – одному, но Шилов непреклонен. Тогда этот Кайдановский весь в крови, с растрёпанной головой, трясётся бедолага и шепчет: «Г-споди...». Честно так шепчет, настоящая молитва у него выходит, а потом уже срывается и орёт:

– Г-споди! Почему ты помогаешь этому... кретину, а не мне?!

Закрывает лицо руками и плачет. Мне тоже хочется так сделать, но я вдруг вспоминаю, что лечу на бешеной скорости по трассе сквозь пробки, чуть не задевая рулём зеркала застрявших машин, вниз, под откос, к самой Бирже. Страшно становится до чёртиков. Всё-таки тело умнее души. Я витаю в своих мирах, а оно делает своё дело. Один раз я нёсся также, совсем как псих по каким-то трущобам, и вдруг на пути железная труба прямо на уровне шеи. Я думал обо всём на свете, только не о дороге, заметил её в последний момент, тело само среагировало, пригнулось, и я вихрем прямо под той трубой пролетел. Как в мультиках. Только через несколько секунд понял, что произошло. И сейчас вот похожее. Вообще, я лётчиком родился, только крылья оборвали.

«О, Владыка Вселенной! – кошусь наверх, – если бы ты дал мне такую малютку, уж я бы её лелеял, как полагается.

Тут звонит мой начальник, чтобы дать первые адреса на сегодня.

– Привет, всё нормально?

– Привет, Рами. Если бы ты только её видел... Здесь, на перекрёстке, с хемулем каким-то. Так вся и пляшет вокруг него.

– Русская?

– По ходу. Хемуль русский. Он с ней, как в ГУЛАГе обращается. Разве я бы так себя с ней вёл?

– Если бы она с тобой была, хрен бы так вокруг тебя плясала. Идешь к женщине – бери плётку.

– О, Рами, ты читал Ницше?

– Давай-ка поспокойней, ты мне живым нужен пока. Сначала двигай в индийский ресторан на Заменгофф...

Ну и давай мне указания давать. Я их, не слушая, запоминаю почему-то. И чего я так разволновался? Пробудили они во мне воспоминания нехорошие. На одной шестой части суши многие так свою любовь выражали. Тётка моя, не тем будь помянута, тоже любила уж очень по-своему. Чем сильнее любила и жалела, тем больше лаяла. Именно лаяла. Не умела она по-другому. И её так, наверное, воспитывали, и тех, кто её воспитал. А с чего всё началось, интересно? У меня взяло лет двадцать её язык перевести. Закаляй детей жёсткостью, и им будет легче в жизни – вот и всё воспитание. Как я сам на людей не кидаюсь?

– 7. Господин Розовая Ветка

–

Чем ближе к южному Тель Авиву, тем больше неприятных ощущений. Где-то прочитал, что в Швеции, Норвегии, Франции есть целые анклавы, где живут только босые бородачи в халатах. У нас есть похожий район. Им даже на ислам плевать, просто чёрные люди в блестящих рубашках на электрических велосипедах. Они привезли Судан с собой, и теперь Южный Тель Авив выглядит, как какой-нибудь Хартум. Даже приличные улицы, примыкающие к этим трущобам, уже источают неблагополучие. Еду на Эхад Аам, 9. Это

был такой писатель, Ошер Гинзбург. Ни в Б-га, ни в чёрта не верил. Один Ребе после встречи с ним сказал, что, если бы он участвовал в прохождении Красного моря с Моисеем, то и этому искал бы рациональное объяснение. Ну конечно, родился-то он в Киевской губернии, ленинская закалка. Но вот парадокс – единственный религиозный район Тель Авива – двор Старого Бельзского Ребе – находится именно на улице имени этого сионистского писателя. Насмешка истории – как Мессершмит-109 со звёздами Давида в музее ВВС в Хацерим.

Подъезжаю к нужному адресу и вижу, что посылка на этот раз для господина Розенцвейга – этот всегда даёт чаевые, долго роется в потёртом кошельке, задаёт всякие вопросы, чтобы не скучно было ждать. Уже на входе в Башню Мира (Мигдаль аШалом – огромное офисное здание 80-х годов) у меня всегда странное ощущение, причину которому я не нахожу. Я не люблю лобби этих небоскрёбов, но охрана сразу видит – рассыльный и вопросов не задаёт. Монументальные резные двери светлого дерева адвокатской конторы «Вольфсон» чуть приоткрыты. Внутри слева сидит приветливая секретарша, не какая-нибудь вертихвостка, а приличная такая кудрявая женщина, как говорил барон Пампа. С красавицами я всегда мнусь, а с этой мне очень спокойно. Я здороваюсь и медленно, словно заклинание, произношу фамилию клиента: Розенцвейг. Звучит потрясающе, сразу мысли о тамплиерах, розенкрейцерах. Эта умница мне

с улыбкой рукой показывает: по коридору, мол, налево. Она всегда внутрь пройти просит, потому что знает, что господин Розенцвейг даст чаевые. Благодарю её и прохожу внутрь этих великолепных чертогов. Это уже не суетливая фабрика адвокатов на Вайцман, это целый адвокатский храм, тихий, спокойный, уютный и красивый. Мягкое ковровое покрытие заглушает звук моих шагов. Везде всё то же светлое дерево, стеклянные перегородки, ковры и статуэтки под колпаками, людей почти не видно, все обедают или так здесь всегда, уж не знаю. А вот и сам почтенный Розенцвейг из кабинета выходит. Ему лет восемьдесят, он высокий, сутулый, в коричневой рубашке, заправленной в серые штаны. Чёрная кипа лежит на голове, как вековое пророчество, не от её ли тяжести он так сутулится? Его фигура, его улыбка вызывает у меня немедленное уважение, чуть ли не трепет какой-то. Интересно, если бы он никогда не давал чаевых, я также к нему относился? Кто знает? Но он непоколебим. Просит меня пройти в его маленький кабинет, медленно садится за стол, достаёт потёртый кошелёк, такой с металлическим ободком, как у бабушек на рынках, начинает копать в нём. Спрашивает, сильно ли мне жарко. Я улыбаюсь, потому что сухая на мне только кипа. Но он мне нравится, всегда вот так спрашивает что-то, чтобы мне не скучно ждать было. Я ставлю пакет с едой на стеклянный столик, интересуюсь, как дела у него. «Слава Б-гу,» – говорит, протягивает мне червонец. Бережно беру монетку и желаю ему «бсуроис тойвойс» – нарочно

с ашкеназским акцентом, чтобы не подумал, что, не дай Б-г, я френк какой-то, ну типа восточный еврей. Не то, чтобы я сильно их не люблю, просто быть таким не желаю. А загорел я так. Что меня уже за йеменца принимают. Так-то я немного расист, конечно. В личной беседе с человеком, на меня непохожим, я, конечно, этого не покажу из вежливости, но сам с собой очень даже, да простит меня Г-сподь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.